

Сергей Власов

ФЕСТИВАЛЬ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-7
ББК 84(2Рос=Рус)6-7
В58

Власов, Сергей

В58 Фестиваль / С. С. Власов – Москва : Издательство
АСТ, 2015. – 576 с.
ISBN 978-5-17-091952-9

Книга, которую вы держите в руках, заставит вас хохотать от души. Сатирический роман «Фестиваль» был написан номинантом премии «Золотой теленок», остроумным и наблюдательным журналистом и писателем Сергеем Власовым. С неподражаемой легкостью автор обличает все несовершенство своего творческого окружения, не церемонясь ни с собой, ни с именитыми звездами «шоубиза», ни с известными политическими деятелями. Открыв эту книгу, вы попадете за кулисы культовых телевизионных передач, где под гротескными образами прячется целая галерея «портретов» эстрады и телевидения.

**УДК 821.161.1-7
ББК 84(2Рос=Рус)6-7**

Светлой памяти моих замечательных родителей
Людмилы Григорьевны и Сергея Алексеевича
посвящается

«Гениев выдумали...
На самом деле нас нет...»
Кто-то неизвестный

Большинство основных персонажей романа мне пришлось
«вооружить» собственными мыслями и идеями в силу
одного-единственного обстоятельства,
а именно — их реальные прототипы полностью лишены
и того и другого...
Автор

Глава первая

Итак, позднее утро вперемежку с ранней осенью — это удивительно!

Внешний вид Сергея Сергеевича Флюсова выражал полное удовлетворение всем происходящим в мире, кроме, пожалуй, отсутствия в магазинах дешевого портвейна и плохой погоды на острове Мадагаскар.

Добродушие и юмор, неслабое телосложение и всепоглощающая лень выгодно отличали его от большинства коллег — писателей-сатириков.

Пройдясь по единственной в квартире комнате по диагонали — из угла в угол, он подошел к письменному столу и, внимательно его оглядев, обнаружил там одиноко стоящий граненый стакан с остатками какой-то желтоватой жидкости.

— «Пить или не пить — вот в чем вопрос!» — патетически продекламировал он известное изречение и твердо решил «не пить». — Мало ли кто мог туда насс... пописать, — в последний момент, смягчив предполагаемое действие со стороны незнакомых супостатов, сказал Сергей вслух.

Он, даже оставаясь наедине с самим собой, старался не употреблять неприличных слов и выражений. Природная вежливость и интеллигентность не позволяли ему смачно ругаться матом, посылать различного рода придурков туда, куда они этого заслуживали, или обсуждать с отможенными депутатами результат последнего футбольного матча.

Звонящая телефонная трель вытащила нашего героя из ванной, с намыленным лицом он в три прыжка оказался у допотопного телефонного аппарата времен Великой Отечественной войны и коротко бросил в трубку:

— Яволь!

— Это я, дорогой, — Вахтанг!

— Какой Вахтанг?!

— Слушай, как «какой»? Я с кем говорю, а?

— Ты говоришь с великим русским писателем. А я... а вот я, по всей видимости, говорю не с тем, с кем хотелось бы поговорить... Короче, дара-гой, набирай правильно номер! Привет...

Трубка полетела на место, Сергей поспешил на кухню. Там уже несколько секунд сигнализировал свистом и паром синий в крупный белый горох чайник, важно кряхтя и подбрасывая над собой аккуратную никелированную крышечку с деревянной ручечкой.

Наполнив чашку ароматным индийским чаем, литератор подошел к окну. Низкие облака напомнили Сергею, что в квартире надо делать ремонт — они были такие же серые и неаккуратные, как и его пропахший известью потолок.

В такие хмурые дни совдеповские обыватели обычно делали только то, что с них требовали — ни капли больше, и только с появлением огромного синего неба и ярких лучей солнца они приходили в бешеный восторг и могли в состоянии эйфории и трудового героизма свернуть Алтайские, Кавказские или какие-нибудь другие значительные горы.

«Слишком эмоционален для труда наш российский человек...» — подумал Флюсов. Только что вставленные новые окна — непонятно почему-то закругленной формы и испачканные мелом — смотрели на хозяина тупо и уныло, как глаза попавшего в капкан для гиен верблюда.

Внезапно раздался звонок в дверь. На пороге стоял бывший чекист, а ныне бизнесмен — Дмитрий Григорьевич Савотин, совсем недавно то ли переведенный в народное хозяйство в связи с сокращением штатов, то ли уволенный со службы с формулировкой «по дискредитации высокого звания офицера спецслужб».

В своей былой деятельности Дмитрий Григорьевич всегда старался использовать исключительно творческие методы, работал артистично — на грани фола, за что часто получал от руководства как суровые выговоры, так и благодарности с почетными грамотами.

— Ехал мимо — решил зайти... Извини, что без звонка.

— Привет, как это — без звонка? Ты только что звонил мне в дверь...

— Да нет, я имел в виду... — Савотин сощурился. — А-а-а, это ты шутишь... Я и забыл, с кем имею дело.

Дмитрий Григорьевич строевым шагом прошел на кухню, по пути бросая подозрительные взгляды по сторонам, и, показав глазами на окно, соединяющее кухню с ванной, тихо спросил:

— Ты один?

— Вообще-то, как у всех гениальных шизофреников, у меня присутствует раздвоение личности, поэтому утверждать, что я — в «одинаре», было бы не совсем корректно, — сказал Сергей.

— А прошлый раз ты утверждал, что являешься исключительно параноиком. Когда же ты врал?

— Я был правдив и тогда, и сейчас. А почему — долго рассказывать... Давай-ка лучше излагай, что тебе нужно, — я же знаю, просто так ты никуда не заглядываешь.

— У меня к тебе небольшое дельце. — Савотин лукаво посмотрел на своего приятеля. — Я тут познакомился с одной девицей... Так вот, нельзя ли ей продемонстрировать наш бомон во всей своей красе, пригласить к кому-нибудь в гости из самых известных артистов или писателей?

— Подожди, как ты сказал — «бомонд»?

— «Бомон».

— На конце какая буква?

— «Нэ».

— Во-первых, на конце — буква «эн». Но это — у тебя. А должна быть «дэ» — как у всех. Потому что слова «бомон» нет, а есть слово «бомонд».

— Да?! А я и не знал. Ну и хрен с ним... Бомонд — так бомонд.

— А девица что — тоже из карательных органов?

— Нет, она парикмахерша. Работает в салоне на Неглинке.

— Димуля, — Флюсов начал раздражаться, — я тебя очень уважаю, и мне, разумеется, известны те оазисы передовой мысли, где собираются так называемые сливки общества, но если я рискну привести тебя туда с твоей новой пассией, могу биться об заклад с прикладом твоего личного оружия — именного автомата Калашникова или дать на отсечение интимное место одного начинающего поэта — он согласится, что вас выгонят оттуда сразу, а меня — чуть погодя, мотивируя свои действия наличием у меня сомнительных, порочащих связей...

Савотин насупился.

— Ну ладно, я подумаю... Если есть что еще — говори, а то мне пора собираться, у меня сегодня тяжелый день.

— Спасибо, дружище. — Дмитрий подошел поближе и, слегка смутившись, довольно искренне обнял своего старого «фрэнда». — Я знал... — Дмитрий посмотрел на часы. — Все. Убегаю. Твори, выдумывай, пробуй! — напоследок прокричал он и захлопнул за собой дверь.

Чаю больше не хотелось. Сергей решил: пора собираться и отправляться по многочисленным делам. В перечне присутственных мест, которые необходимо было посетить в течение светового дня, «Останкино» числилось под номером один.

Выходя из квартиры, писатель прихватил аккуратно перевязанные веревкой две огромные стопки книг, состоящие из томов собраний сочинений исключительно великих писателей столетия: Иосифа Виссарионовича Сталина, Льва Троцкого и Мао Цзэдуна.

«Зачем мне тащить их до помойки, — резонно подумал Флюсов, — и здесь удивительные мысли и идеи самых нестандартных людей эпохи,

запечатленные на века на бумаге очень высокого качества, кто-нибудь подберет... Мало ли, может, соседи ремонт какой затеят...»

С легким сердцем он водрузил стопки на пыльный подоконник и, в последний раз бросив пыливый взгляд на кипу политической макулатуры, со спокойной душой, почувствовав огромное облегчение от окончательного разрыва с классиками революционного романтизма, помчался вниз.

Как только писатель вышел из подъезда, к подоконнику с книгами из квартиры на седьмом этаже скользнула чья-то загадочная тень...

Леонид Владимирович Третьяков всю жизнь преподавал научные дисциплины общественного характера в различных высших учебных заведениях. Больше ничего делать в жизни он не умел да и не хотел уметь, считая приоритетным вопросом абсолютно во всем вопрос идеологического воспитания.

Обнаружив на окне столь щедрый подарок, он долго не мог прийти в себя. Внимательно ощупав каждую книгу в отдельности, он прижался давно небритой щекой к верхнему тому Сталина и заговорщицки зашептал:

— Вот оно, свершилось! Сегодня самый лучший день в моей жизни. С этой минуты — я другой человек. С такой нравственной базой я переверну горы и поверну вспять реки! Я стану прокладкой между великими идеями и безыдейными массами! Потому что я — не кто-нибудь, а Третьяков. Да-да! Именно Третьяков! — Здесь он перешел на крик: — Тре-тья-ков! Ле-о-нид! Лен-чик! Ле-ня!

Добравшись в «Останкино» на такси менее чем за полчаса, Флюсов натренированным за долгие годы движением пнул ногой крутящуюся дверь телевизионного технического центра и оказался в святая святых российского телевидения.

У него было несколько пропусков на вход от различных редакций: литературно-драматических программ, музыкально-развлекательных передач, народного творчества, детской редакции и даже Генеральной дирекции Центрального телевидения. Аккуратной стопочкой они лежали в левом внутреннем кармане его двубортного пиджака, каждый ожидая своей очереди быть предъявленным толстым милиционерам на проходной, торчащим там круглосуточно в вечно помятой форменной одежде и фуражках набекрень. Приблизительно каждый второй из стражей порядка как будто по приказу свыше имел на руке золотую печатку или перстень — вероятно, среди останкинских ментов это считалось особым шиком, а у одного Сергей даже видел татуировку на внешней стороне запястья непристойного содержания с изображением целой группы обнаженных мужчин и женщин.

Оставив кордон позади, боковым зрением он заметил спешащую к нему молодящуюся даму неопределенного возраста, музыкального редактора «Клуба кинопутешественников» — Надю Андрееву.

— Здорово, Надюха!

— Привет, классик...

Дама взяла Сергея под ручку и, встав на цыпочки и подтянувшись до уровня его уха, прошептала:

— Есть гениальный проект! Срочно нужен автор! — Затем, немного подумав, добавила: — Слушай, Флюсов, когда я тебя встречаю, ты возбуждаешь меня в последнее время с каждым разом все сильнее и сильнее... Возбуждаешь даже больше, чем железнодорожный билет.

— Это что еще за пошлость? Где ты набралась подобной гадости? Вот, стоит тебя только ненадолго оставить без должного контроля...

— Есть такое выражение. Я думаю, упоминание билета в качестве искусственного возбудителя идет от предвкушения будущих путешествий и приключений.

— В том числе — амурных?

— В том числе... — задумчиво сказала Надя и погрузилась. — А, плевать. Так, слушай сюда...

Она достала из полиэтиленового пакета несколько страниц машинописного текста и начала объяснять:

— Проект — просто блеск! Моя интуиция мне подсказывает...

Флюсов невольно перебил:

— Интуиция женщины тем безошибочнее, чем прозрачнее намерения мужчины.

Надежда вскинула на Сергея свои густо накрашенные глаза и, не давая себе расслабиться, твердо сказала:

— Я не о том. Пожалуйста, не перебивай, я уложусь в три минуты. —

Она ткнула пальцем куда-то в середину первой страницы и начала читать: — Телесериал «Телекомпания Стаканкино» — это истории из жизни современного телевидения, объединенные главными героями, переходящими из серии в серию. Это наиболее характерные комические и узнаваемые персонажи: популярные Ведущий и Ведущая, Режиссер, Оператор, Спонсор, Главный Редактор, Корреспондент и т.д. и т.п., а также безумные телевизионные фанаты. В сюжетах участвуют также работники Телецентра, пожарные, милиция, буфетчицы, уборщицы и другие. Действие происходит в основном в помещениях Телецентра: в студиях, аппаратных, гримерных, барах, курилках, костюмерных, а также на натуре — на улицах, в магазинах, ресторанах, офисах, то есть там, где это продиктовано профессиональны-

ми обязанностями и личной жизнью героев. Каждый из них имеет свой ярко выраженный комедийный имидж. Ведущий — напыщенный и глуповатый самовлюбленный красавчик. Ведущая — сексапильная дурочка, о которой ходят разные слухи. Режиссер — непризнанный гений, вечно пытающийся создать шедевр. Оператор — непросыхающий алкоголик.

— Наш парень, — не выдержав, пояснил Сергей. — Надь, я, вообще-то, тороплюсь. Честно говоря, «режьте меня на куски», мне уже все нравится... Тем более, если сама госпожа Андреева участвует в проекте — вопросов нет никаких, кроме одного — размера гонорара. Давай так: к субботе ты со своими поделниками решаешь финансовый аспект, и если его решение меня устроит — я полностью ваш. А теперь извини... — Резво взяв с места и, послав Надежде воздушный поцелуй, Флюсов стремительно помчался по коридору.

— Серега, привет! — услышал он безумный вопль, нажимая никелированную кнопку лифта. Пришлось обернуться.

— Салют! — Режиссер канала «Добрый вечер, Москва!» Вова Костров, широко расставив руки, семенил кривоватыми ножками, обутыми в незащипанные кроссовки, в его сторону.

Тем временем из лифта горделивой походкой вышел и важно осмотрелся по сторонам писатель — сатирик Сергей Львович Мондратьев и, увидев в разношерстной толпе Флюсова, также направился к нему.

— Да что ж, блин, за день сегодня такой! Нет никакой возможности спокойно работать! — Сергей Сергеевич с досадой плюнул на до блеска вымытый, сияющий пол и тут же от осознания непристойности своего поступка расстроился еще больше.

— Здорово, мужики...

Мондратьев соорудил жуткую гримасу, делающую, по его мнению, выражение собственного лица крайне загадочным, и загундосил:

— Сейчас я расскажу тебе последнюю феньку — как меня вызывали позавчера в налоговую инспекцию...

— Сделай милость.

— Я пришел к ним и сразу перешел к делу. «Денег, — говорю, — у меня все равно нет, только зря время потеряете. А все потому, что доходов не имею. Живу в долг, будучи известным писателем. Двенадцатый год пишу роман. Как допишу — издам. Когда издам — может быть, заплатят гонорар. С гонорара раздам долги и заплачу налоги. Кстати, — поясняя, — роман-то про вас, в том смысле, что про налоговую, а главный герой — инспектор Фомин Александр Геннадьевич...» — Он как заорет: «Кто?!» Я говорю: «Кто

слышали — Фомин Александр Геннадьевич». Он аж подпрыгнул: «Что, — говорит, — других фамилий нету больше? Окромя моей?» Я так удивился, говорю: «Да быть такого не может! Надо же, какое совпадение. А впрочем, вы на него совсем не похожи. Мой-то — взяточник и аферист». Фомин аж со стула чуть не свалился. «Тираж какой?» — спрашивает. Я говорю: «Для начала тысяч 30–35, а там посмотрим. Роман-то неплохой получается. Только вот главного героя жалко. И жена ему изменяет...» Смотрю, Александр Геннадьевич пятнами пошел. «С кем — сказать можете?» — спрашивает. Я говорю: «До этого места еще не дописал. Через месячишко». «Как выглядит, — перебивает он меня, — жена вашего героя, лет сколько?» А я ему: «Теменькая такая. С укладочкой. Возраст... лет под сорок. — А потом добавляю: У моего главного героя тесть — бывший полицей, теща». И вдруг он мне: «Достаточно, идите. Все у вас в порядке. Скажите, а нельзя главного героя переименовать?» Я говорю: «Почему нельзя? Можно. Вот только...» Он снова перебивает: «С изданием поможем. Подтянем лояльные коммерческие структуры». «Понял, — говорю, — а как у вашего начальника-то фамилия, заодно с именем и отчеством?» Он вскочил, улыбается, точно в глаза смотрит: «Петров... Петров Игорь Викторович!» — «Хорошее, — говорю, — сочетание для главного героя». Ну, чего... Пожали мы друг другу руки, и пошел я спокойно домой.

— Слушай, так я не понял. Ты что, раньше знал этого Фомина? — спросил Костров.

— Нет. — Мондратьев улыбнулся.

— А откуда ж ты узнал, как его зовут?

— Да-а, теперь я точно знаю, чего нельзя купить даже за большие деньги — мозгов. Вова, у него же, у этого придурка, табличка рядом с дверью висит, где все четко и конкретно указано. Наверное, с советских времен еще осталась.

— А про жену?

— Я когда в коридоре в очереди сидел, она из его кабинета вышла, остановилась поговорить с каким-то мужиком, видимо, коллегой мужа, ну из их разговора я все и понял.

Вова не отставал:

— А про полиция?

— А вот это, дорогой, уже экспромтный полет моей необузданной фантазии...

Мондратьев поклонился воображаемому зрителю и, пожав собеседникам руки, молча растворился в толпе, напомнив напоследок Флюсову:

— Не забудь — вечером работаем в «Эстраде». Не опаздывай.

Воспользовавшись режисерским молчанием — он еще находился под впечатлением рассказа Мондратьева, Сергей Сергеевич юркнул в лифт и был таков. Поднявшись на седьмой этаж, нервно посмотрел на часы. Стало понятно: график мероприятий, намеченных на сегодняшний день, ломался, надо было ускорять темп, не тратя больше ни секунды на пусто-порожные разговоры.

Но как гласит закон подлости: «Если какая-нибудь неприятность может случиться, она случается» — навстречу писателю по «стаканкинскому» коридору шагал вечный продюсер, а ныне — программный директор Четвертого канала — Александр Васильевич Заяицкий. Увидев его сдвинутые к переносице насупленные брови, наш герой вспомнил еще одну сентенцию, больше известную в продвинутом народе как закон Паддера: «Все, что хорошо начинается, — кончается плохо. Все, что начинается плохо — кончается еще хуже».

«Все, кранты... От этого не убежишь». — Сергей устало опустил дипломат на пол и приготовился.

Дело было даже не в особой пытливости ума Александра Васильевича, он просто-напросто хотел знать то, чего не знает большинство населения. Причем каждый факт ему надо было не только пару раз объяснить, так как с первого раза он не воспринимал даже самую примитивную информацию, — ему надо было эту информацию прокомментировать, а уже затем, сделав вывод, дать конкретные рекомендации по использованию рассказанных фактов и ситуаций в его, заяицких, корыстных целях.

Увидев в узких улыбающихся глазах Александра Васильевича массу немых вопросов, Флюсов для себя сформулировал предмет беседы: «Если вам не известны ничьи секреты, попытайтесь их выдумать». Громко поприветствовал:

— Привет труженикам эфирных полей!

— Здравствуй, Сергей Сергеевич, — нараспев, по-бабы пролепетал Заяицкий и протянул потную ладошку для приятельского рукопожатия. — Как дела?

— Как видишь. Если я бодр и весел — значит...

— Значит, все хоккей, футбол, регби, бобслей...

— Ну-ка, ну-ка... здесь повнимательней. — Флюсов ослабил. — Как-то, Александр Васильевич, ты не совсем правильно произносишь это слово. Не бобслей, а баб-слей.

— Наверное, это от слова «бабы».

— Не только. Есть еще слово «слей», но это уже другая история. А дела мои, Саша, действительно хороши, поскольку иду я на запись программы «Откровенный разговор», где с присущим мне темпераментом и интел-

лигентностью буду полчаса чистого времени отвечать на вопросы очаровательной ведущей. А потом, когда сие действие окончится, поспешу к барной стойке, дабы принять на грудь, как говаривал Владимир Семенович Высоцкий, белого и красного... Все это я намереваюсь совершить в районе 14.30. Если...

— Я буду. Буду в баре уже в 14.20.

— Приятно иметь дело с интеллигентным человеком, понимающим все с полуслова.

— Там и поговорим. Обнимаю. — Заяцкий уже начал бить последний поклон, но его порыв был беспардонно остановлен.

— Стой-стой, Александр Васильевич! Я не сказал тебе самого главного... на сегодняшний день. Ставь, Саша, задачи перед собой и подчиненными, по которым решения есть только у тебя.

— Класс! Слушай, и откуда ты все знаешь?

— Эх, Сашуля, я ведь не только пишу книжки, я ведь иногда их читаю. Причем как свои — постоянно, так и чужие — иногда. В этом секрет. А вообще-то, еще великий Мао Цзэдун советовал не читать много книг. Кто много читает, тот мало думает. Все — я ушел. — Сергей хлопнул приятеля по плечу и зашагал прочь.

Обежав за полчаса несколько кабинетов и решив ряд вопросов, направленных на обеспечение съемок своей передачи «Смех без причины», Сергей Сергеевич наконец-то добрался до четвертой студии, где его уже ожидала творческая группа программы «Откровенный разговор». Поприравествовав собравшихся, Флюсов подошел к ведущей Валентине Алексеевне Кузнецовой и торжественно сообщил:

— Я к вашим услугам, мадам!

Через короткий промежуток он уже восседал в кресле на съемочной площадке, жмурясь от яркого света и полностью доверив свое одутловатое лицо суетливым действиям гримеров. Откуда-то сверху с режиссерского пульта прозвучала резкая команда:

— Если все готовы — через пару минут начинаем запись!

Сергей обратился с вопросом к подошедшей ведущей:

— Вопросы, конечно, уже приготовлены?

— Разумеется.

— Пишем единым куском?

— Да. Если не будет проблем с техникой. Потом — перебивочки. Все.

Голос сверху сурово предупредил:

— Просьба всех, кроме участников за столом, покинуть площадку!

Сергей попытался окончательно собраться с мыслями: «Ладно, в конце концов, это не прямой эфир. На крайняк сделают еще дубль. Спокойно, Сережа, не мандражируй».

После команды «Мотор!», выдержав паузу в несколько секунд, Валентина Алексеевна, глядя строго в камеру и мило улыбнувшись, сказала:

— Добрый вечер, уважаемые телезрители! Сегодня в гостях у передачи «Откровенный разговор» известный юморист, писатель-сатирик, автор и ведущий телепередачи «Смех без причины» — Сергей Флюсов. Здравствуйте, Сергей Сергеевич.

— Добрый вечер.

— У нас сегодня с вами достаточно нетривиальная тема, я предлагаю вам поговорить о природе смеха. Для начала скажите, правда ли, что большинство юмористов в жизни — очень серьезные и достаточно грустные люди, и какой в этом отношении вы сам?

— Опросов среди коллег я, разумеется, не проводил, поэтому с вашего разрешения перейду ко второй части вашего вопроса. Я — человек веселый. Это моя объективная характеристика, касающаяся абсолютно любых ситуаций, то есть, другими словами, — это мое естественное состояние, и вообще, если грустный человек хочет казаться окружающим веселым или наоборот — тут что-то не то.

— А как все-таки создаются юмористические произведения?

— Здесь есть своя специфика — я уверен, что научить человека профессионально писать очень сложно, а научить профессионально писать смешно — невозможно. А дело здесь в том, что большинство населения проходит мимо занимательных случаев, ситуаций, фраз и тому подобное. И только юмористы замечают их и доводят до такого вида, когда слушающему их произведения действительно становится смешно.

— С кем из наших эстрадных звезд вам приходилось сотрудничать?

— Со многими. Об одних вообще не хотелось бы вспоминать, о других, может быть, и хотелось. Но здесь тоже есть свои нюансы. Эстрадных исполнителей и их авторов условно можно разделить на несколько групп: одни работают для элитарной модной публики, другие — для широкой простецкой, третьи — для той и другой.

— А четвертые?

— Четвертые занимаются откровенной халтурой. Фамилии называть не будем — они и так всем известны. «Звезды» — очень капризные люди, их имена нельзя употреблять всуе. Любое упоминание таких артистов надо заранее с ними согласовывать.

— У меня вопрос следующий. Те несколько выпусков «Смеха без причины», которые уже прошли в эфире, получили живейший зрительский от-

клик. Ваше ведение отмечается как очень удачное, но как автор эстрадных монологов вы там себя никак не проявили.

– А это – скромность, Валентина Алексеевна.

– Так... Тогда следующий вопрос. Какие формы сложнее создавать: маленькие или большие?

– По большому счету, мне все равно, но за большие больше платят. А если серьезно, маленькие – сложнее.

– А как ваши близкие, семья относятся к вашему роду деятельности?

– Нормально. Хихикают.

– Сергей, хотелось бы узнать, что является основной движущей силой в работе писателя-юмориста?

– «Пароксизмы», или по-нашему – раздражение. Частенько смотришь телевизор и раздражаешься, думаешь – что-то надо менять. Это и дает импульс для различного рода писанины, для съемок новых программ.

– Любите ли вы гастролировать по стране?

– Да, конечно. Но уезжать далеко и надолго мне не нравится. Как консервативный человек я обычно отъезжаю на недельку куда-нибудь совсем рядом, а потом – сразу домой.

– А можно ли определить интеллектуальный уровень зрителя в зале?

– Конечно, можно – в зависимости от того, какая реакция идет на какие шутки. Шутки – они ведь тоже разные. Бывают приличные, а бывают – и нет. Я выхожу на площадку, у меня в левом кармане пиджака – «интеллигентный» материал, а в правом – что попроще. Какая публика в зале – то и читаю.

– Значит, зрители могут быть сплошь дураками, а выступающий... Он должен быть обязательно умен?

– Из числа писателей – да, из числа артистов – нет, они же читают чужие материалы. Гениальный артист на поверку частенько оказывается редкостным болваном.

Ведущая улыбнулась уголками глаз:

– А что, по-вашему, является критерием ума?

– Интеллект. Способность воспринимать различные явления по принципу причинно-следственной связи. Хотелось бы добавить, что он абсолютно не зависит ни от объема накопленной информации, ни от количества прочитанных книг... Некоторые книги не то, что читать – в руки брать противно.

– Скажите, есть ли разница между юмором российским и юмором западным? Мне кажется, наш юмор тоньше.

– Это не то слово! Моя точка зрения: западного юмора вообще не существует! Это дегенеративный смех по поводу дурацких ситуаций и по-